

ПРИЕМ СОЧЕТАНИЯ СИСТЕМ АРХЕТИПОВ КАК ЖАНРООБРАЗУЮЩИЙ ПРИНЦИП В ОСЕТИНСКОМ РОМАНЕ 1920-Х ГГ.: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Р.Я. Фидарова

Одним из жанрообразующих принципов в осетинском романе 1920-х гг. стал прием сочетания различных систем этнических архетипов. Суть данного принципа рассмотрена на примере романа А. Цаликова «Брат на брата» (1926). Писатель в своем романе применил систему архетипов, широко используемых в мировой мифологии и мировой литературе: архетип сюжета, архетип конфликта и архетип героя. Архетип сюжета, традиционный для мировой мифологии и мировой литературы, изображает возвращение героя домой из далекого, опасного и долгого путешествия. Как правило, он застает там абсолютно новую реальность, в которой вынужден искать свое место и самоутвердиться. Сюжет романа «Брат на брата» строится на показе возвращения домой Алибека, «золотопогонника», офицера бывшей царской армии, после революции 1917 г., в разгар Гражданской войны. Писатель использует и архетип конфликта, также традиционный для мировой мифологии и мировой литературы. Это – острая, непримиримая, бескомпромиссная борьба добра и зла, которая всегда дорого обходится герою и народу, забывая жизни многих людей. Ломает одних, закаляет характеры других героев, отстаивающих фундаментальные ценности своего национального бытия и сознания. Конфликт в романе строится на противоборстве осетин-мусульман и осетин-христиан, приведшем к страшной национальной трагедии, гибели многих людей. Важную роль в системе архетипов, формирующих жанровую структуру романа, играет и архетип героя, также традиционный для мировой мифологии и мировой литературы. Это архетипы: героя-воина, старца-мудреца, отца, женщины-матери, девы, юноши, ребенка и др. Творчески используя архетипы сюжета, конфликта, героя, Цаликов художественно убедительно исследует своеобразие общественного бытия и общественного сознания осетин. Подчеркивая весь абсурд происходящего, ломающего как национальную «самость» народного бытия, так и частную судьбу Алибека, писатель обращается к народной мудрости и ее основе – «коллективному бессознательному», т.е. многовековому духовному опыту осетинского народа, передающемуся из поколения в поколение. И делает это, активно используя архетипы, т.е. «первичные образы», имеющие символическое значение в художественном мире романа и структурирующие, наполняющие его глубоким философско-этическим смыслом.

Ключевые слова: осетинская литература, архетипы, сюжет, конфликт, герой, характер, образ.

Для цитирования: Фидарова Р.Я. Прием сочетания систем архетипов как жанрообразующий принцип в осетинском романе 1920-х гг.: теоретический аспект // Известия СОИГСИ. 2026. Вып. 59 (98). С. 118-125. DOI: 10.46698/VNC.2026.98.59.005

Поступила в редколлегию: 28.01.2026 г.

Принята к публикации: 15.03.2026 г.

Базовые образы, называемые архетипами, определяют глубинную суть этнического бытия и сознания осетин. Они зародились еще в глубокой древности, в результате становления этноса и сопровождают его на всем протяжении социальной истории, вплоть до сегодняшнего дня. У архетипов – определенные функции. И прежде всего они выражают конкретные смыслы в духовной ориентации народа-субъекта истории в процессе освоения им реальной действительности.

Формирующийся этнос, постепенно накапливая драгоценные крупинки знаний об окружающем его мире и о себе, как части этого мира, строил систему своих жизнен-

ных ценностей и свой духовно-нравственный облик, развивал свои жизненно важные для него взаимоотношения с этим миром, который не всегда был добр к нему.

Постепенно рождались зачатки реального, рационально-исторического мировосприятия, морали, философии, религии, – которые впитала в себя мифология как первая форма общественного сознания предков осетин. Уже в первобытности появилась у них потребность как-то объяснить и осмыслить этот сложный, противоречивый мир и понять себя. Определить свое место в нем. Поэтому эти базовые образы первобытного сознания или первообразы, т.е. архетипы, имеют большое значение в определении сути Ирондзинада как этнического сознания и мировоззрения. Они частично сохраняются в нас и сейчас, в XXI в., войдя в наше подсознание, в психику, в душу. Предписывают нам определенный тип поведения, тип национального характера. Составляют основу или код национальной духовной и художественной культуры в целом.

И, конечно, участвуют в формировании полноценной, многогранной национальной картины мира, порождая самобытность народа. В целом это совокупность черт национального своеобразия, национального характера, Ирондзинада, т.е. этнического мировоззрения, как основы психического склада и типа мышления. И отражают коллективный духовный опыт народа.

Почему же А. Цаликов, решая актуальнейшую для его времени и вообще судьбоносную для всей нашей последующей истории проблему – проблему значимости и последствий революции, обращается к этим древнейшим пластам духовного мира своего народа? Чем привлекли внимание писателя архетипы?

Во-первых, Цаликов осмысляет в романе полную драматизма историю своего народа. Во-вторых, он рассматривает ее во взаимосвязи со всемирно-историческим процессом и, прежде всего, с историей великого русского государства, частью которого несколько веков назад стала и Осетия. В-третьих, Цаликов логику всемирной истории видит в движении к прогрессу, в достижении высот цивилизации, но не путем революции, а эволюционным путем, путем постепенного культурного и духовного развития. Обращение писателя к архетипам, как первообразам, закономерно и логично. Он трансформировал их в художественные образы, занявшись литературным мифотворчеством.

Как писал С.С. Аверинцев, «содержательную характеристику первообраз получает... когда он проникает в сознание и при этом наполняется материалом сознательного опыта» [1, 110]. Используя архетипы, Цаликов показал национальное бытие более глубоко. Более объективно раскрыл самоощущение народа, общества, человека в столь сложных обстоятельствах, как революция и гражданская война. Как при этом Цаликов использует традиционную для мировой мифологии и мировой литературы систему архетипов в процессе разработки жанровой структуры своего романа?

Архетип сюжета. Надо иметь в виду, что в целом тип сюжета в романе – устойчивая структура из архетипов, показывающая, что и как должны делать люди в той или иной ситуации и что они делают, утверждая свои вечные ценности добра и истины. Писатель воплощает в сюжете через свои представления о мире, о том, что есть добро и зло, истина и справедливость, в чем высшее предназначение человеческого существования на земле. Поистине, сюжет романа «Брат на брата» «является одним из важнейших средств воплощения содержания – обобщающей “мысли” писателя, его идейно-эмоционального осмысления реальных характеристик жизни, выраженного через словесное изображение вымышленных персонажей в их индивидуальных действиях и отношениях» [2, 431].

Алибек, главный герой романа «Брат на брата», возвращается домой после тяжелых четырех лет участия в первой мировой войне и застаёт свою маленькую Осетию, вовлеченную волею судьбы и истории в революционные события 1917 г., а потом и гражданской войны. Застаёт ее в состоянии разрухи, хаоса, приведших к кровавой бойне между осетинами-христианами и осетинами-мусульманами. В этой новой реальности герою предстоит сделать свой главный, судьбоносный выбор. И он его делает – становится на сторону добра, отстаивая мир и национальное единство, благополучие для всех осетин. Мысли и настроение у героя очень тяжелые. Он глубоко обижен на судьбу. «Русское государство и русский народ, которым ты служил честно и самоотверженно, отказались от тебя, ты стал им не нужен», – думает Алибек. «За что? За преданность России, за кровь, пролитую в боях, за тело, изрешеченное пулями? Растет злоба жгучая, мстительная... Ко всем, ко всей стране, отвергнувшей тебя, унизившей, насмеявшейся...» [3, 290]. Но есть еще на земле родной уголок, маленькая твоя родина, затерянная в горах Кавказа, загадочного для чужеземных людей. «Там твой народ, о котором ты забыл в вихре офицерской жизни, о котором вспомнил только теперь, в минуту краха военной карьеры, в минуту личного несчастья. Может быть, он не оттолкнет тебя от своей груди. Ехать, ехать... Загладить вину, служить своему народу», – думал герой [3, 284].

Но по ходу событий ему открывается страшная, не поддающаяся никакой логике, реальность.

Личная драма и безутешные потери утвердили уверенность героя в необходимости тут же включиться в активную борьбу за идеалы добра и справедливости, за единство мусульман и христиан, за лучшее будущее для них.

Так Алибек, вернувшись домой из далекой и опасной поездки, застав совершенно новую, неожиданную для него реальность, ведет сложные поиски нового смысла жизни, ищет возможности адаптироваться в ней. Как бы «обретает» самого себя нового и находит пути к себе Новому.

Такова в романе суть архетипа сюжета, использованного писателем для раскрытия как своего художественного замысла по воплощению типа национального характера бывшего офицера, представителя обедневшего, но благородного сословия Алибека, так и для воссоздания художественной картины социального и национального мира в столь ответственный исторический момент, т.е. «состояние мира».

Архетип конфликта. Писатель творчески использует и архетип конфликта, также часто встречающийся в мировой мифологии и мировой литературе. Это конфликт добра и зла, ведущих непримиримую борьбу как в масштабе крохотной человеческой души, так и в пространстве всей страны, космоса, Вселенной.

В романе хаос, порожденный революцией, острое противостояние добра и зла «перекраивают» как судьбы отдельных героев, так и историю маленькой Осетии, разваливают великое русское государство. В целом влияют на всемирную историю, как бы «переписывая» ее заново, с дополнениями и поправками.

На станции в Беслане Алибек узнает правду о происходящем, о том, что вековой покой гор нарушен и настолько, что возмущена даже природа, стихия. Ведь «кровавый туман стелется по земле... Человек восстал на человека. Брат на брата!» [3, 282]. Познавшего с лихвой тяжесть военных испытаний Алибека приводит в душевное смятение новость о братоубийственной войне в родной, степной, спокойной всегда Осетии.

Писатель осмысляет такие нормы нравственности осетин, как стыд, скромность, совесть. Алибек потрясен, убедившись в том, что эти чувства обесценились и это

жуткий результат страшной братоубийственной войны. Обесценилась и человеческая жизнь, частный, отдельный человек со своей судьбой и уникальной индивидуальностью. А это уже, как, впрочем, и эта бессмысленная братоубийственная война, – последствия русской революции.

В романе показано, как этот, действительно, всемирно-исторического значения конфликт, вызванный русской революцией и заключающийся в непримиримом противостоянии власти и народа, в смертельной схватке добра и зла, породил и другие конфликты. Самый значительный из них – война осетин-христиан с осетинами-мусульманами. Братоубийственная война, потрясшая основы жизни народа. Она принесла дикий невообразимый хаос и нарушила гармонию национального бытия осетин. Как замечает один из героев романа, Тотрадз, «это начало светопреставления. В священных книгах сказано: «придет день, и люди перестанут понимать друг друга. Брат восстанет на брата». Да. Так и есть. Мир потрясен в своих основаниях. Все рушится: обычаи, религия, нравственность, скромность и послушание молодежи, гостеприимство, уважение к старости. Да, так и есть. Все, на чем держалась наша жизнь. Что мы берегли, как глаз, и считали, для себя дороже золота, то теперь не имеет ценности и сломанной иголки. Светопреставление! Да, так и есть. Брат восстанет на брата. Сын на отца...» [3, 324].

«Бог проклял нас, – подтверждает и другой горец, Асаге, – и кровь поливает наши нивы» [3, 283]. И это он расценивает как «затмение разума». Ведь это все идет против традиционных норм и канонов священного для каждого осетина многовекового Агъдауа, неписаного кодекса нравственных ценностей народа. Как, по каким законам должно двигаться дальше общество? Что, какая судьба ждет многострадальный народ в будущем, если так беспощадно нарушены законы его жизни? Что значит эта братоубийственная война для каждого в отдельности и для народа, родины в целом? Все эти вопросы беспокоят сознание и душу Алибека. И он ищет ответы на них, обдумывает возможности и перспективы собственного участия в процессе достижения мира и наведения порядка, установления гармонии.

Архетип героя. В основе типов личности в романе – архетипы, т.е. универсальные образы из коллективного бессознательного как сути народной мудрости. Они и определяют, как первичные образы, характеры героев романа. Их формируют, например, несколько архетипов: героя-воина, крестьянина, старика-мудреца, отца, старухи, женщины-матери, юноши, девы, ребенка и т.д. С их помощью Цаликов выражает специфику национального бытия, общие, типично-врожденные черты национально-го характера и духовно-нравственный, социально-исторический опыт народа.

А характеры героев в романе раскрывают суть человека как органической части целого, – своей эпохи, народа, общества, – в столь ответственный исторический момент. Характер в романе представлен как образ человека, «очерченный с известной полнотой и индивидуальной определенностью, через которую раскрывается как исторически обусловленный тип поведения (поступки, мысли, переживания, речь), так и присущая автору нравственно-эстетическая концепция человеческого существования» [4, 481].

При этом функции архетипов многогранны. Как глубинные образы, они дают возможность писателю лучше раскрыть внутренний мир и душу человека, его чувства и мысли, объяснить поступки, мировоззрение. Архетипы ведь являются по сути своей наглядно-чувственным образом культуры осетинского народа, выполняющим важную роль в становлении его картины мира, менталитета, Ирондзинада, как этнического мировоззрения.

Художественно убедительно раскрыт архетип героя-воина в романе. Любя свой народ и родину, не может понять Алибек сути войны между осетинами. «Мы ведь, осетины, и не мусульмане, и не христиане, мы скорей уастырджисты или даже язычники с культом заповедных рощ, вековых деревьев, духов, которыми мы наполняем поля и леса, воды и горы, дома и пещеры. Наша молитва – чинок араки или чаша пива в одной руке, круглый пирог с сыром в другой [3, 319]. Умный, интеллектуальный герой, унаследовавший мудрость своего народа, идущую из глубин веков, он начинает инстинктивно правильно оценивать ситуацию и находить свое истинное предназначение. Так, в письме к любимой девушке Вале, дочери священника, герой пишет: «Я мусульманин, а вы христианка – дети одного маленького народа. Мы – это символ единства. А это единство – наше спасенье» [3, 319].

Герой, подъезжая домой, нервничает еще больше. Вокруг такой знакомый и такой незнакомый ему новый мир! Сердце бьется учащенно. На станции много вооруженных людей, все настороженно всматриваются в лица прохожих, словно стараются угадать, враг или друг перед ними.

Алибек ничего не может понять из того, что слышит, мол, брат пошел на брата, осетины-мусульмане и осетины-христиане воюют друг с другом. Жизнь перевернулась с ног на голову, и наступил хаос, ад на земле.

Единственно, что успокаивает и бодрит душу, – это природа родного края. Вот солнце поднимается все выше и выше, наполняя сердце понятной только труженику радостью, – радостью наступающей весны. Ведь кругом нивы, «ждушие оплодотворяющего плуга пахаря, человеческого пота, без которого не может быть самого главного, что нужно для существования человека – хлеба». Герой ощущает прилив сил и энергии. Ему «хочется простой здоровой жизни пахаря. Его упорного труда, загара на лице, мозолей на руках, его незатейливой радости... Но люди, что делают люди с этой жизнью, безумцы...» [3, 303-304].

Вспоминая свою жизнь, Алибек осознает, что в душе его всегда и незримо присутствовала любовь к его маленькой родине. Однажды, в госпитале, он услышал во дворе блеяние овцы, и сердце его сжалось от тоски по родному дому. Мир, в котором он жил, показался ему душным. Слезы покатались из его глаз на подушку. Долго он не мог простить себе этой слабости. «Воин, плачущий от блеяния овцы! А ведь я почти не знал дома. Корпус. Военное училище, служба в полку, потом война. Все это пролетело, как сон, не дав возможности опомниться. Горько сознаться, я жил, почти ни над чем не задумываясь. Все было так просто: повиноваться начальству, защищать родину и царя и жить, т.е. веселиться и наслаждаться...» [3, 318]. Но думать он начал, когда пришел хаос с этой революцией... Герой осознает, как мало он понимает в происходящем вокруг. А происходят страшные события, сначала в великой России, которую он любил и которой служил, не щадя жизни, а теперь вот и в его родной Осетии.

Он вспоминает свою прошлую жизнь и особенно день, когда почувствовал, что офицерский мундир, который прежде носил с такой гордостью, давит ему грудь. Ему «...захотелось длиннополой черкески, стянутой в талии узким ремнем, неслышной поступи ноги, обутой в мягкий сафьян, мохнатой папахи на бритой голове...».захотелось ему быть вольным сыном гор, – простым и непосредственным. И герой двинулся домой, на Кавказ, «чтобы там стать самим собой и отдать силы своему народу. А родина и народ сливаются у него в одно нераздельное целое» [3, 319].

Увидев, как искренне радуются встрече с ним его родственники и знакомые, с которыми он случайно столкнулся на станции, Алибек вдруг осознал, что они его любят

и радуются тому, что он жив и вернулся домой. Эта встреча наполнила удивительной радостью его истерзанную болью и разочарованиями душу.

Со временем это чувство причастности к своему народу и родине еще больше крепнет. Настроение его становится более определенным и жизнеутверждающим. «Родина – это ты! Моя маленькая, прекрасная, дорогая родина! Как блудный сын я припадаю к твоим стонам... Ведь там, там на необъятной русской равнине, там в грохоте и тревогах боевой страды, я никогда по-настоящему не думал о тебе. Ты никогда не захватывала моих помыслов, не проникала в глубину моего сердца...

Прости мне! Теперь я нашел тебя. Теперь тебе только я хочу отдать все свои силы. Энергию. Отвагу. Самопожертвование. Кипучее сердце. Силу мышц. Думы. Радость. Горе. Любовь. Ненависть. Кровь. Тело», – писал об Осетии Алибек в письме к Вале, любимой девушке [3, 306-307].

Итак, индивидуальная судьба Алибека, его блестящая карьера офицера были разрушены в хаосе революции, развалено великое русское государство и развязана кровавая война между осетинами-христианами и осетинами-мусульманами.

В романе глубоко раскрыто органическое сплетение хода истории с судьбами людей, суть простых и обычных начал человеческой жизни. Проанализировано, как перепутье объективной истории и индивидуальной судьбы частного человека обуславливает драматизм и трагедию целого народа.

Очень интересны архетипы старейшин, которые определяют бытийно-онтологические программы человеческой жизни осетин на земле. Удивительно притягателен образ старика Темболата, делегата съезда. Прежде всего, в нем Алибека привлекает его традиционная осетинская внешность. Это «высокий, хорошо сложенный старик, с туго перетянутой ремнем тонкой талией. На поясе небольшой с серебряной отделкой кинжал, аккуратно пригнанный с одного бока, в сафьяновой кобуре, пистолет с выглядывающей из кобуры белой костяной ручкой, с другого – шашка, отделанная серебром. Круглые головки газырей из белой кости едва видны из своих лож. Двумя прямыми линиями они пересекают широкую грудь до выреза бешмета. На голове папаха из нежного темно-серого бухарского курпе, слегка приплюснутая в концах, откинута назад, открывающая большой лоб. Ветер играет его длинной седой бородой, в которой еще сохранилась небольшая чернота, перекидывая ее через широкие сильные плечи. Густые с проседью брови сжаты, нависли над глазами, горящими необыкновенным волнением» [3, 295-296].

Поражает и радует Алибека и речь старика, полная достоинства и народной мудрости: «Старшие, убеленные сединами прожитых лет, да простят мне за то, что я в их присутствии дерзаю шевелить устами, младшие же пусть превратятся в слух и внимание и зарубят в юных сердцах своих те слова, кои буду произносить я, худший из тех, кто носит на своих плечах имя горца Кавказа, – отчеканивая каждое слово, говорит старик, держась за эфес шашки с неуловимым изяществом природного воина» [3, 296]. И далее продолжает: «Оказывается, что враг осетина – осетин же. Он с этим никогда не согласится. И вот это оружие, – старик выхватывает шашку наполовину из ножен и быстро захлопывает, – которое было грозно и жестоко для врага-гяура, никогда не будет обогрено кровью брата» [3, 296].

С необычным волнением, соответствующим ситуации, старик продолжает: «Вот почему сегодня мою талию так крепко обнял ремень шашки отцов, доселе висевший в почетном углу кунацкой, вот почему этот старый, заряженный десятки лет тому назад пистолет на бедре моем...» [3, 296].

И «коль старый гурде в качестве врага должно рубить голову брата-осетина, – продолжает спокойно, – значит, Аллаху угодно, чтобы не было больше гурды. Старик бе-

рется руками за оба конца гурды, – гордости его собственной и всего его рода, – подносит ее губам. Благоговейно целует, а потом быстро опускает руки. Стучает шашку серединой по колено. Шашка, издав тяжелый стон, ломается на два куска» [3, 297]. Такое мудрое, единственно возможное в данном случае решение, принимает Темболат.

Обаятелен и образ другого старика, – Асаге, твердо сказавшего свое веское слово: «Я просто – ирон магур лаг, моя религия – завещанный нам дедами и отцами – священный адат, мой же Бог – мое чистое лицо», – говорит Асаго [3, 292].

Роман «Брат на брата» действительно представляет «индивидуальную и общественную жизнь, как относительно самостоятельные, не исчерпывающие друг друга, стихии, и в этом состоит определяющая особенность его жанрового содержания». В нем судьба отдельного человека «обретает общий, субстанциональный смысл. И вместе с тем у романического героя приобщение к коллективным – народным, национальным, общественным идеалам и целям выступает... конечным, кульминационным моментом в развитии его самосознания, а попытка изображать действенно-сюжетные результаты этой кульминации приводит к существенной трансформации как содержательной природы, так и структуры романа» [5, 330].

Так, применяя прием сочетания систем этнических архетипов, А. Цаликов строит структуру своего романа, существенно обогащая осетинскую литературу важнейшим жанрообразующим принципом.

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 110–111.

2. Пospelов Г.Н. Сюжет // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 431.

3. Цаликов А.Т. Брат на брата. Роман // Цаликов А.Т. Избранное. Владикавказ: Ир, 2002. С. 279–414.

4. Тюпа В.И. Характер художественный // Литературоведческий энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 481–482.

5. Богданов В.А. Роман // Литературно-энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 329–333.

Fidarova, Rima Ya. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Center of RAS (Vladikavkaz, Russia); rimafidarova@mail.ru

THE METHOD OF COMBINING ARCHETYPE SYSTEMS AS A GENRE-FORMING PRINCIPLE IN THE OSSETIAN NOVEL OF THE 1920s: THEORETICAL ASPECT.

Keywords: Ossetian literature, archetypes, plot, conflict, hero, character, image.

One of the genre-defining principles in the Ossetian novel of the 1920s was the combination of various systems of ethnic archetypes. The essence of this principle is examined using the example of A. Tsalikov's novel "Brother against brother" (1926). In his novel, the writer applied a system of archetypes widely used in world mythology and literature: the plot archetype, the conflict archetype, and the hero archetype. The plot archetype, traditional in world mythology and literature, depicts the hero's return home from a long, dangerous, and distant journey. Typically, he finds a completely new reality there, in which he is forced to seek his place and assert himself. The plot of the novel "Brother against brother" is built on the return home of Alibek, a "golden shoulder strap" officer in the former

tsarist army, after the 1917 revolution, in the midst of the Civil War. The writer also utilizes the conflict archetype, also traditional in world mythology and literature. This is a fierce, irreconcilable, and uncompromising struggle between good and evil, which always comes at a high cost to the hero and the nation, claiming the lives of many. It breaks some, while forging the character of others, who defend the fundamental values of their national existence and consciousness. The conflict in the novel is built on the confrontation between Muslim Ossetians and Christian Ossetians, which leads to a terrible national tragedy and the deaths of many. The hero archetype, also traditional in world mythology and literature, plays an important role in the system of archetypes that shape the novel's genre structure. These archetypes include the warrior hero, the sage elder, the father, the mother, the maiden, the youth, the child, and others. Creatively using the archetypes of plot, conflict, and hero, Tsalikov artistically and convincingly explores the uniqueness of Ossetian social existence and consciousness. Emphasizing the absurdity of what is happening, which is shattering both the national "self" of the people's existence and Alibek's personal fate, the writer turns to folk wisdom and its foundation – the "collective unconscious", that is, the centuries-old spiritual experience of the Ossetian people, passed down from generation to generation. And he does this by actively using archetypes, or "primary images", that have symbolic significance in the novel's artistic world and structure it, imbuing it with profound philosophical and ethical meaning.

For citation: Fidarova, R.Ya. The method of combining archetype systems as a genre-forming principle in the Ossetian novel of the 1920s: theoretical aspect // *Izvestiya SOIGSI*. 2026. Iss. 59 (98). Pp. 118-125. (In Russian). DOI: 10.46698/VNC.2026.98.59.005

References

1. Averintsev, S.S. *Arkhetipy* [Archetypes]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya. V 2-kh t.* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia. In 2 vols]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1980, vol. 1, pp. 110–111.
2. Pospelov, G.N. *Syuzhet* [Plot]. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, p. 431.
3. Tsalikov, A.T. *Brat na brata* [Brother against brother]. Tsalikov, A.T. *Izbrannoe* [Favorites]. Vladikavkaz, Ir, 2002, pp. 279–414.
4. Tyupa, V.I. *Kharakter khudozhestvennyi* [Artistic character]. *Literaturovedcheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 481–482.
5. Bogdanov, V.A. *Roman* [Novel]. *Literaturno-entsiklopedicheskii slovar'* [Literary-encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987, pp. 329–333.